

ОЛЬГА ВОЛЧЕНКОВА

ГДЕ МОЯ
обидка,

Я Вас
спрашиваю?

ИЛИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ХАЛАТА
С
АНАНАСАМИ

Ольга Волченкова

Где моя обида, я вас спрашиваю? Или приключения халата с ананасами

*<https://litres.ru/74061111>
SelfPub; 2026*

Аннотация

У взрослой женщины всё под контролем: дети, быт и утренние пассажиропотоки. Оля собиралась нарезать яблоки и по графику пострадать. Повод был весомый — законная двухлетняя обида. Но кнопка «Вкл» для праведного гнева выдала системный сбой: обиду нагло угнали прямо из головы! Хуже того: из дамской сумочки мешкового типа спёрли тайную шоколадку, оставив конверт с лисьим сургучом и вызовом в Бюро потерянных чувств.

«Где моя шоколадка?» — в ананасовом халате Оля шагает на изнанку реальности, в Левиафан Министерства чужих ожиданий. Ей предстоит штурмовать этажи подсознания, воевать с Калибратором Идеальности и Синдромом Самозванца.

Это иронический детектив с элементами психоанализа, который незаметно заставит вас замереть в три часа ночи с мыслью: «Чёрт возьми а ведь у меня внутри тоже есть такой сарай

с невысказанными словами». Ищите ответы вместе с героиней, а не получайте готовую мораль. Пора провести авторский надзор!

Содержание

Глава 1. Дело о пропавшей обиде	5
Глава 2. Штурм Министерства чужих ожиданий	15
Глава 3. Эффект красного моря	27
Глава 4. Засада на Болоте обид	35
Глава 5. Франшиза «Подвиг посмертно»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ольга Волченкова

Где моя обида, я вас спрашиваю?

Или приключения халата с ананасами

Глава 1. Дело о пропавшей обиде

Я стояла на кухне и резала яблоки. Нож мерно стучал по доске, вокруг привычно гремел утренний апокалипсис из четырёх детей, а я занималась важным делом — я пыталась пострадать.

Точнее, я пыталась запустить свой законный, выпестованный внутренний монолог на тему того, как со мной несправедливо поступили. У меня для этого были все основания. Настоящие, тяжёлые. Одна женщина два с половиной года планомерно, винтик за винтиком, разбирала несущие конструкции моей жизни.

Она пришла в мой дом под видом лучшей подруги, почти сестры, которой я доверяла ключи от квартиры и тайны из собственной детективной прозы. А сама, с приторной улыб-

кой на лице, шаг за шагом заменяла меня собой во всех сферах. Сначала втихаря перетягивала на себя моих клиентов, потом — настраивала против меня близких, а в финале... в финале она просто замкнула на себе самый главный, интимный треугольник моей жизни, украв у моих детей отца, а у меня — человека, с которым я строила этот дом. Она методично выпотрошила мою крепость изнутри, а когда всё окончательно рухнуло, оставив меня одну с четырьмя детьми на руках, она просто отряхнула руки, забрала куш и заявила: «А тут и рушить-то было нечего. Ты сама во всём виновата, Оля».

Я занесла нож над очередным яблоком и мысленно нажала кнопку «Вкл» для праведного гнева.

Ничего. Волна не поднялась.

Я нахмурилась и попробовала ещё раз. Попыталась вызвать в груди то самое знакомое, горячее шевеление, от которого обычно сладко сосёт под ложечкой и хочется прокручивать в голове воображаемые хлёсткие ответы.

Пусто. Злость не включалась, хоть ты тресни.

«Так, — подумала я, откладывая нож. — Системный сбой».

Я закрыла глаза и воспроизвела весь конфликт заново. В полной режиссёрской версии, со всеми спецэффектами, где я в финале медленно и красиво ухожу в закат, а она — обидчица моя, Наташка — обязательно стоит позади на коленях, рыдает в три ручья, заламывает руки и наконец-то понима-

ет весь масштаб своей подлости. Я прокрутила эту благословенную ленту до самого горького, самого сладкого для моего этого момента.

Внутри не звякнуло ни одной струны. Было ощущение, что кто-то ночью тайно залез в мою черепную коробку, аккуратно распорол швы и украл мою обиду.

Мои пальцы сами собой легли на стеклянный кухонный стол и начали выдавать drobный, нервный стук. Тра-та-та-та. Ногти сухо и звонко секли по стеклу, отбивая ритм моего крайнего изумления.

«Секундочку», — возмутилась я про себя.

Я резко оттолкнулась от стола, так что стул жалобно звякнул ножками по плитке, и принялась решительными, размашистыми шагами измерять квадратуру собственной кухни. Раз, два, три, четыре... Пятки сочно и громко впечатывались в пол, транслируя пространству моё глубочайшее негодование. Внутренний монолог превратился в полноценный митинг.

«Это что же за дела вообще?! Где моя обида? На каком основании её изъяли без моего ведома? Это что получается — в этой жизни ни на секунду нельзя вещь без присмотра оставить, сразу упрут?! Да где ж это видано!»

Она лежала у меня на самом видном месте рядом с чувством несправедливости и мыслями о том, что некоторые люди удивительно талантливы в искусстве действовать на нервы.

О, это была монументальная вещь. Тяжёлая, плотная, скроенная по всем правилам драмы.

Я даже расстроилась.

Два с половиной года работы насмарку.

Я её холила, подкармливала перед сном и суровыми нитками намертво пришивала к собственному сердцу — чтобы уж точно никуда не делась. Я на неё, между прочим, законные права имею! Это моя частная ментальная собственность, заработанная потом, кровью и бессонными ночами. С какой стати её кто-то аннулировал?! И её просто... угнали, как машину с парковки?

Я замерла посреди кухни, тяжело дыша. Весь мой тщательно выстроенный график страданий пошёл насмарку.

— Мама! Ева утащила мою зарядку! — где-то грохнула дверь, возвращая меня в реальность.

— Мама, мне резинка жмёт! И штаны эти трут, я их вообще не буду надевать! — это Ева, с лицом оскорблённого достоинства, готовая прямо сейчас объявить тотальный бойкот любой одежде в мире.

Лёва из коридора в этот момент транслировал миру, что жизнь вообще — штука сложная, особенно когда тебе два года и ты только что нашёл отличную лужу. А старший сын, как обычно, никуда не спешил, пребывая в своём персональном космическом дзене. Из этого состояния его могли вывести ровно две вещи: если Лёва совершал тактический манёвр, заползал на его стол и сбивал настройки пульта управ-

ления космическим кораблем (читай — игровым компьютером) или если сам старший катастрофически опаздывал сдать готовую озвучку очередной серии мультфильма. Сегодня, судя по наушникам на шее и отрешённому взгляду, в его голове как раз созревал какой-нибудь анимационный злодей. Он метеором пролетел мимо, оставив после себя шлейф подросткового парфюма.

Я механически выдала инструкции, ослабила Еве все возможные резинки, перевела утренние стрелки и распределила пассажиропотоки. Мозг работал на автопилоте. Но уровень стресса требовал немедленной углеводной компенсации.

Я подошла к стулу, где висела моя дамская сумочка мешкового типа. В этом бездонном бауле из плотного канваса при желании можно было найти слона, скелет динозавра, потерянную цивилизацию и... её. Мою прелесть. Шоколадку, купленную вчера глубоким вечером втайне от детей. Стратегический запас эндорфина, который я планировала слопать прямо сейчас втихаря, заныкавшись за холодильник.

Я запустила руку в это бермудское пространство. Пальцы шли целенаправленно и хищно, но фольга не шуршала.

Раз. Два. Пусто.

Разозлившись, я перевернула сумку над столешницей и вытряхнула её содержимое.

Грох! Бряк! Шурш!

На стол с сухим звоном посыпался весь мой палеонтологический музей: три сломанных восковых мелка, обёртка от

влажной салфетки, половинка мятной конфеты, пластиковый колпачок, два засохших каштана, чеки из аптеки, ключи, расчёска... И всё. Шоколадки не было.

Её спёрли. Мою. Тайную. Шоколадку.

Вот это уже было преступлением против человечности. Настоящим, циничным, не имеющим оправдания зверством! Ладно обида, хрен с ней, но шоколад?! У матери четырёх детей?! Да за такое в приличных мирах пожизненное дают!

Но среди груды бытового мусора на столешнице остался лежать один предмет, который никак не вписывался в архитектуру моей сумки

Официальное письмо. В вызывающе дорогом, плотном конверте благородного кремового цвета.

В кухне внезапно стало очень тихо. Той звенящей, неестественной тишиной, которая бывает за секунду до взрыва. И в этой пустоте ожил кран. Он подтекал со вчерашнего дня. Из недр смесителя медленно, туго рождалась тяжёлая капля. Набухала, висла на металлическом носике, а потом с сухим, костяным стуком срывалась вниз, прямо в нержавейку раковины.

Цок.

Моя рука замерла. Я протянула пальцы и коснулась конверта. От неё тонко, но отчётливо пахло мятным ликёром. Этот запах мгновенно перебил аромат кухонных яблок.

Цок.

Я перевернула конверт. Пальцы скользнули по благородной, шероховатой фактуре — бумага была безупречной, без единого залома, если не считать надписи на лицевой стороне. Корявым, размашистым и до боли знакомым почерком — моим собственным! — там было выведено короткое и безапелляционное: *«Ольге. Лично в руки. Вскрыть немедленно»*.

На обороте же красовался массивный сургучный оттиск в виде лисьего хвоста. И этот сургуч окончательно выбил меня из колеи. Внутренний дизайнер во мне за секунду оценил палитру: воск был не банального советского кирпичного тона, каким запечатывают посылки с салом. Нет, это был дорогой, декоративный полимерный состав глубокого медно-рыжего оттенка с едва заметным золотым отливом. Точь-в-точь в цвет моих волос. Словно кто-то состриг у меня прядь и переплавил её в эту изящную блямбу.

Логика подсказывала: если применили такую тяжелую канцелярию, значит, внутри прячется то, ради чего стоило огород городить. Я подцепила ногтем край плотного клапана. Полимерный воск поддался с сочным, благородным хрустом, расколов лисий хвост аккурат пополам. Запах мятного ликёра из раскрывшегося нутра крухнул на кухню с новой, концентрированной силой.

Я запустила пальцы внутрь и вытянула сложенный вдвое плотный листок. Развернула его. И вот там, ровными, пугающе официальными строчками, но всё тем же моим невозможным почерком было отпечатано уведомление:

«Ваша обида передана в Бюро потерянных чувств. Срок хранения истёк. За дальнейшими разъяснениями обращайтесь»

тесь к Смотрителю».

Цок.

Этот звук отдавался прямо в затылке тупой, вибрирующей иглой. Железо раковины каждый раз коротко, едва слышно гудело на этой частоте. Микроскопическая звуковая волна шла по полу, поднималась по ногам и застревала где-то между лопатками.

Мой рациональный мозг тут же попытался составить таблицу экстренного анализа данных. В левой колонке были факты. Я — взрослая, адекватная женщина. Мой порог стрессоустойчивости невероятно высок. Я верю в логику. По всем законам физики, официальные письма от Смотрителей в закрытых сумках не материализуются.

В правой колонке была пустота. Шоколадки не было, обиды не было на месте.

«Итак, — рассуждала я, наливая себе горячий травяной чай и глядя, как в чашке кружатся листья чабреца. — Варианта всего два. Первый: у меня лёгкое расстройство на почве хронического недосыпа. Я сама купила этот конверт, сама написала это письмо, а шоколадку съела ночью в лунатическом бреду и забыла. Второй: чемодан с моими страданиями и мой углеводный запас реально кто-то умыкнул. И этот кто-то официально приглашает меня на разбор полётов».

Если бы я была романтической барышней, я бы испугалась. Но мой мозг требовал порядка. Обиду у меня, значит, упёрли, шоколадку сожрали, а взамен подсунули дорожную кан-

целярию с моим автографом? Кукуха, конечно, могла устать, но оставлять без присмотра то, на что было потрачено два с половиной года жизни (и вчерашние деньги на шоколад!), я не собиралась.

Я посмотрела на наглый лисий хвост на сургуче.

— Хорошо, Смотритель, — сказала я в чашку с чабрецом.
— Поиграем. Посмотрим, чья логика окажется сильнее. Где моя шоколадка, сволочь?

Оставалось самое сложное — дожждаться момента, когда этот детский сад затихнет, и я смогу незаметно проверить, куда ведёт эта странная изнанка реальности.

Глава 2. Штурм Министерства чужих ожиданий

Дом затих ближе к полуночи. Самый сложный квест под названием «уложи четверых и выживи» был официально завершён. В кровати, раскинувшись в позе звезды, мирно посапывал Лёва, железно зажав в кулачке любимую машинку. В своей комнате затихли девчонки, а из-за двери старшего не доносилось ни звука — космический пульт был обесточен до утра. Коридор тонул в абсолютной, плотной темноте.

Я стояла на кухне. Здесь было темно по-особому. Единственным источником света служил большой аквариум. Его люминесцентная лампа отбрасывала на стеклянный стол, стены и потолок мягкие, колеблющиеся зеленовато-синие блики. В этом водяном полумраке безмолвно скользили рыбы, колыхались растения, а тени от них лениво ползали по кухонным шкафам. И кран.

Цок.

Капля разбилась о металл. Этот звук в подводном сиянии казался ещё объёмнее, тяжёлым эхом вибрируя под ногами.

Я посмотрела на стул. На нём тёмным, тяжёлым силуэтом висела моя «дамская сумочка», повидавшая на своём веку всё и вмещавшая в себя половину детской комнаты. Именно в этом бермудском треугольнике сегодня утром бесследно

растворилась шоколадка. Официальный конверт лежал рядом на столе, тускло поблёскивая в аквариумном свете.

«Ну что, Смотритель, — подумала я, решительно подтягивая внутренний голос к боевому регистру. — Время пришло».

Я взялась за замок. Металлические зубья разошлись по жёсткому краю сумки с сухим, хищным скрежетом. В тишине кухни этот треск прозвучал как выстрел. На мгновение мне показалось, что из открывшегося нутра пахнуло не мятой конфетой, а ледяным сквозняком, сыростью и... архивной пылью. Старой-старой бумагой.

Я запустила руку внутрь. Пальцы привычно скользнули по грубой, шероховатой внутренней стороне ткани, ожидая наткнуться на ключи или расчёску. Но рука шла вниз. Дальше, ещё дальше. Дно моей сумки словно провалилось. Рука уже ушла по локоть, а пальцы всё ещё перебирали... пустоту. Холодную, вибрирующую пустоту.

Цок — отозвался кран. Но звук разорвался, эхо от него ушло куда-то глубоко вниз, словно раковина внезапно стала колодцем.

Внутри проёма что-то тихо зашуршало. Тысячи бумажных листов. Глухой, далёкий гул, похожий на то, как гудят лампы дневного света в огромных казённых коридорах.

Мой рациональный мозг, который до последнего цеплялся за таблицу фактов, выдал короткую системную ошибку и очередной раз отключился. Пространство внутри сумки

затягивало. Жёсткие края скромных размеров баула начали медленно раздаваться вширь, горловина поплыла, превращаясь в раструб туннеля, и я поняла, что если я сейчас не выдерну руку, меня утянет вслед за ней.

Но там была моя шоколадка. И моя двухлетняя обида.

Я зажмурилась, сделала глубокий вдох, в котором отчётливо смешались ароматы чабреца, мятного ликёра и чернильных штампов, и шагнула вперёд. Прямо внутрь собственной сумки.

Мои босые пятки шлёпнулись на твёрдую, холодную поверхность. Мягкая колыхающаяся темнота кухни схлопнулась над головой с тихим хлопком, словно закрылся клапан надувного матраса.

Я открыла глаза — и замерла, боясь даже вздохнуть.

Никакой кухни. Никаких сине-зелёных неоновых бликов. Под ногами расстился он — монументальный, неубиваемый казённый линолеум грязно-песочного цвета в мелкую серо-чёрную крапинку. Вдоль стен тянулся убогий пластиковый плинтус, из-под которого сиротливо торчал клочок серого джута. Кое-где линолеум бугрился застарелыми пузырями, а прямо передо мной красовался жирный чёрный шов, грубо заваренный строительным феном.

Я медленно, не веря собственным глазам, переступила с ноги на ногу. Кожа подошв слегка прилипла к пыльной поверхности и оторвалась с характерным, чавкающим звуком: «Чпок».

— Капец... — выдохнула я в звенящую пустоту. Голос показался плоским и глухим, словно из него вытряхнули все верхние частоты. Пространство напрочь скрадывало эхо. — Приехали. Это что ещё за хрень?!

Внутренний дизайнер, который во мне только-только учился расправлять плечи, жалобно завыл. Паника вежливо постучала в черепную коробку и поинтересовалась, не хочу ли я прямо сейчас забиться под ближайший плинтус и громко зарыдать.

«Так, спокойно, Рыжая, — мысленно приказала я себе, чувствуя, как предательски затряслись коленки. — Давай без истерик. Ты взрослая баба, будущий дипломированный создатель прекрасного, мать четверых детей. Тебя пятилетний кризис Евы не сломал, неужели тебя напугает этот убогий интерьер? Ты на лекциях и не такое видела. Ну подумай, стоишь посреди непонятно чего в домашнем халате с ананасами. Очень стильный лук для ночных прогулок».

Я судорожно сглотнула и наконец осмотрелась по сторонам.

Над головой, на высоте стандартных двух метров семидесяти сантиметров, монотонно и тоскливо гудели длинные лампы дневного света в решётчатых плафонах. Одна из них нутужно мигала с частотой засыпающего пулемёта. Вжжж... морг... вжжж. От этого мертвенно-белого сияния у меня мгновенно заняли глаза.

«Лишь бы Лёва не проснулся раньше, чем я вернусь, —

внезапно обожгла меня абсолютно дикая, но самая реальная мысль. — Если он сейчас проснётся в позе звезды, не обнаружит в радиусе километра мать и пойдёт штурмовать пульт старшего брата... Да этот Смотритель, кем бы он ни был, сам умолять меня будет вернуться обратно! Он просто не знает, что такое двухлетний человек в гневе».

От этой мысли мне стало одновременно и смешно, и как-то отчаянно смело. Страх слегка отступил, уступая место чистому исследовательскому азарту.

Воздух здесь был сухим, неподвижным и густо замешанным на запахе старых архивных папок, дешёвой мастики для полов и застоявшегося чая из гранёных стаканов. Аромат кухонного чабреца отлетел секунду назад, как праздничное конфетти.

Я повернула голову налево, потом направо. Бесконечный, прямой как стрела коридор. Стены до половины были выкрашены ядовито-зелёной масляной краской, а выше — побелены извёсткой, которая уже начала шелушиться мелкими чешуйками. По обе стороны тянулись абсолютно одинаковые, глухие двери из жёлтого ДСП с криво прикрученными алюминиевыми ручками. Вместо номеров на них в прозрачные пластиковые кармашки были вставлены белые бумажки с текстом, отпечатанным жирным тринадцатым шрифтом.

Я сделала два шага и подошла к ближайшей двери слева. На листке значилось:

«Отдел регистрации неоправданных надежд троюродных

родственников».

«О, святые угодники, — я нервно хихикнула, прикрыв рот ладонью. — Это что, филиал ада для тех, кто не вышел замуж в девятнадцать и не родил инженера? Кажется, я знаю, кто спонсировал этот кабинет».

Я перевела взгляд на дверь напротив:

«Сектор учёта ожиданий бывших коллег по поводу вашего карьерного роста. (Приём по талонам)».

Чуть дальше по коридору виднелась массивная вывеска:

«Управление глобального контроля за мыслью А что скажут люди?».

— Ну ни хрена себе, Бюро потерянных чувств, — пробормотала я, чувствуя, как паника окончательно растворяется в здоровой ярости. — На конверте было написано Бюро. А это что за Левиафан госуслуг? Кто утверждал этот кошмарный дизайн-проект? Меня что, перенаправили по распределению без согласия собственника? Я требую показать мне автора этого надругательства над пространством!

Таблица экстренного анализа данных в моей голове сгорела, но ирония осталась. Раз уж я провалилась в этот экзистенциальный МФЦ, уходить с пустыми руками я не собиралась.

Где-то в глубине этого бесконечного лабиринта раздался глухой, дробный стук. Кто-то с методичностью бешеного дятла лупил по клавишам старой печатной машинки. Тр-р-р-а-та-та. Дзынь! Провал каретки.

Я поправила халат с ананасами, сжала кулаки так, что ногти больно врезались в ладони, и решительно зашагала на звук, стараясь шлёпать пятками как можно тише. Обида обидой, но за шоколадку этот советский замок у меня ответит по всей строгости закона.

Я сделала глубокий вдох и решительно двинулась вперёд. Стук печатной машинки приближался, отражаясь от убогой зелёной масляной краски на стенах. Тр-р-р-а-та-та. Дзынь! Звук доносился из-за двери в самом конце коридора.

Я подошла вплотную и уставилась на пластиковый кармашек. Карточка на этой двери была чуть желтее остальных, а жирный тринадцатый шрифт гласил:

«Служба утилизации невостребованного душевного груза. Окно 1».

— Ну, Окно номер один, держись. К тебе пришла проверка из реального мира, — прошептала я.

Я не стала вежливо стучать. Строительные бригады научили меня одному железному правилу: если на объекте происходит беспредел, заходить нужно уверенно, резко и с выражением лица «я здесь главный инспектор».

Я схватилась за холодную алюминиевую ручку и решительно толкнула жёлтую дверь из ДСП.

Внутри кабинет оказался точной копией среднестатистической паспортной службы образца девяностых годов. Вдоль стен выстроились фанерные шкафы, доверху забитые пухлыми папками-скоросшивателями с завязочками. Повсюду на

столах высились горы бланков, заявлений и каких-то карточек.

Прямо по центру, отгороженный от остального кабинета массивным стеклянным экраном с круглым окошком для переговоров, стоял деревянный стол. За ним, спиной ко мне, на скрипучем стуле сидело существо.

Точнее, со спины оно выглядело как классическая при-вокзальная кассирша: плотный трикотажный жилет неопределённого серо-бурого цвета, надетый поверх блёклой блузки, и монументальная, намертво залакированная причёска-«хала» неопределённого каштанового оттенка. Существо яростно, со скоростью пулемёта Максим, лупило толстыми пальцами по клавишам огромной серой машинки «Ятрань».

Тр-р-р-а-та-та! Дзынь! Толстая рука с короткими ногтями резко перекинула каретку назад.

— Извините! — громко и отчётливо сказала я, сделав шаг вперёд по линолеуму. Но подошва опять выдала предательское «чпок», смазав весь мой триумфальный вход.

Причёска-«хала» замерла. Стук прекратился. Воцарилась та самая звенящая тишина, в которой снова ожил проклятый капающий звук. Где-то под столом утилизатора стояла своя, невидимая мне раковина.

Цок.

Существо медленно, со скрипом повернулось ко мне вместе со стулом.

Я мысленно приготовилась увидеть ведьму, зомби или

черплака из кошмаров, но реальность оказалась гораздо хуже. На меня смотрело абсолютно гладкое, круглое лицо без каких-либо признаков глаз, носа или рта. Вместо человеческих черт посреди этого кожного блина красовался огромный, синевато-фиолетовый штамп прямоугольной формы.

Я присмотрелась, с трудом удерживая челюсть на месте, и прочитала зеркально перевёрнутые казённые буквы: «ВЫДАН ПОД ОТЧЁТ».

Штамповоликая кассирша пару секунд безмолвно «разглядывала» мой халат с ананасами, а затем из плоской кожаной складки, где у нормальных людей находится рот, раздался сухой, шуршащий голос — точь-в-точь как звук перелистываемых страниц:

— Гражданка, приём окончен. Ждите утра. Обиды, не востребованные в течение двух лет, переходят в доход государства и утилизируются согласно параграфу три.

Я опешила всего на секунду. Внутренний студент-дизайнер внутри меня уже выставил этой конторе неуд по эргономике, а мать четверых детей включила режим «мне только спросить».

— Какое ещё государство?! — я сделала шаг к стеклянному барьеру и упёрлась ладонями в деревянную стойку. — Какой параграф?! Вы у меня посреди ночи угнали монументальную, выращенную в собственном сердце обиду! Ладно обида, но где моя шоколадка, я вас спрашиваю?! На каком основании изъят углеводный запас?!

Безликое существо с фиолетовым штампом тяжело вздохнуло, и от этого вздоха со стола полетела пара архивных листов.

— Шоколад горький, с содержанием какао семьдесят два процента, прошёл по категории «Средство экстренной анестезии при потере душевного груза», — сухо прошелестела утилизаторша. — Изъят в качестве налога на добавленную стоимость за хранение. Смотритель лично наложил резолюцию.

— Смотритель? — я прищурилась, и лисий хвост на сургуче ментально вспыхнул в моей голове. — Вот с этого места поподробнее. Где сидит этот ваш любитель мяты и горького шоколада? К какому кабинету мне применить свой авторский надзор?

Штамповоликая кассирша даже не почесалась. Её монументальная «хала» осталась неподвижной, а плоская складка рта под фиолетовыми буквами «ВЫДАНО ПОД ОТЧЁТ» презрительно искривилась. Из её нутра вырвался сухой, свистящий смешок, похожий на шелест зажёванной в ксероксе бумаги.

— Гражданка, вы глухая? — прошелестела она, и в её голосе звякнули ржавые канцелярские скрепки. — Ещё раз повторяю: приём окончен. Жалобы и предложения принимаются в Главном Управлении Министерства, седьмой этаж, в кабинете Семьсот два. Но вас туда никто не пустит. У вас нет бланка допуска формы четыре-А, заверенного Смотри-

телем. А Смотрителя нет на месте — он на обходе. Так что освободите Окно номер один и не мешайте утилизации.

Она демонстративно повернулась ко мне спиной, её толстые пальцы снова зависли над серыми клавишами «Ятра-ни», готовые продолжить свой пулемётный стук.

Система выдала стандартный скрипт. По её логике, нормальный человек после слов «вас туда никто не пустит» должен был разрыдаться, сникнуть и покорно побрести искать выход. Но эта канцелярская машина просто не понимала, с кем связалась. Ломать мать четверых детей — это в принципе самая проигрышная стратегия во Вселенной. Мы не ломаемся. Мы выстраиваем логистику там, где рушатся горы.

А главное — я была права. Внутри меня мгновенно включился этот знакомый, яростный и непреклонный режим: я должна найти, доказать и утвердить свою правоту. Мою ментальную собственность изъяли незаконно, налоги на шоколад — чушь, и я костью в горле встану у этого Министерства, но добьюсь справедливости. За мной правда, а значит, у меня нет права отступать.

Эта женщина сама, своими собственными фиолетовыми губами только что выдала мне ТЗ. Седьмой этаж. Кабинет 702. Смотритель на обходе.

«Адрес получен, — подумала я, чувствуя, как страх окончательно выгорает под натиском священного возмущения. — Форма четыре-А, говоришь? Ну-ну. Если я могу спроектировать эргономичную кухню на пяти квадратных метрах,

вырастить идеальный травник и выстроить по струнке строительную бригаду, то сожрать одного административного лица ради торжества справедливости я точно сумею. Лишь бы Лёва не проснулся раньше времени...»

Я резко развернулась на босых пятках. Мой халат с ана-насами взметнулся, как знамя объявленной войны. Подошва в последний раз звучно шлёпнула по ЖЭКовскому линолеуму: «Чпок!»

Я толкнула жёлтую дверь из ДСП и вышла обратно в бесконечный зелёный коридор. Теперь у меня был чёткий маршрут и бронебойное намерение. Седьмой этаж. Я иду искать лифт.

Глава 3. Эффект красного моря

Коридор казался бесконечным, словно его проектировал архитектор-садист, свято верящий, что ломаные линии — это грех, а три километра зелёной масляной краски — это вершина уюта.

«Здесь нарушено вообще всё, — думала я, яростно отсчитывая босыми ногами шаги по холодному линолеуму. — Никакого зонирования. Никаких визуальных акцентов. Освещение мертвенное, индекс цветопередачи — ниже плинтуса. Если я выживу, я найду автора этого пространства и заставлю его переделывать этот ад по СНИПам».

Звук печатной машинки за спиной наконец стих, зато впереди нарастал другой гул. Ровный, монотонно-усыпляющий, похожий на жужжание пчелиного роя в душный полдень. Так гудит толпа, которая потеряла надежду, но приобрела привычку стоять.

Коридор резко вильнул направо и упёрся в гигантский, круглый холл. В самом центре этого зала, как ржавый монумент ушедшей эпохи, высилась лифтовая шахта. Двери лифта — тяжёлые, железные, выкрашенные в тот же ядовито-зелёный цвет — были намертво закрыты.

А вокруг лифта стояла Очередь.

Это были десятки людей. Они выглядели странно: серые, припыленные, с какими-то блёклыми глазами.

У каждого в руках был зажат клочок бумаги с номером, а лица... лиц у них не было. Они были намертво, по самый воротник, впаяны в дешёвые пластиковые маски чужих ролей. Я присмотрелась к ближайшему мужчине в помятом костюме. Из-под застывшей, штампованной маски «Послушного Мальчика» с нарисованным виноватым румянцем уныло поблескивали живые глаза. На его груди было написано «Оправдываюсь перед мамой за то, что стал музыкантом, а не стоматологом. Стаж ожидания — 14 лет». Рядом стояла женщина в пластиковой маске «Идеальной Невестки», чей пластмассовый рот был перекошен в вечной, приторной улыбке «Пытаюсь доказать свекрови, что умею варить борщ». Перед закрытыми дверями лифта, на высоком табурете, восседала монументальная фигура Вахтёрши. На её голове вместо лица красовалась тяжёлая, чугунная маска «Главного Контролёра» с узкой, бдительной прорезью на уровне переносицы. В синем рабочем халате, с нагрудным знаком «Контроль Вертикального Движения», она лениво вязала бесконечный серый шарф.

Я, не сбавляя шага, в своём ананасовом халате на полной скорости пошла по прямой — прямо к дверям лифта. Напролом.

Толпа качнулась. По рядам прошёл возмущённый шелест.
— Женщина! Женщина в ананасах! Вы куда?! — взвизгнула дама с борщовым транспарантом, выставляя вперёд локоть. — Куда прёте без талона? Здесь очередь! Мы тут годами стоим!

Я затормозила в миллиметре от её локтя, медленно повернула голову и посмотрела на неё взглядом, которым обычно встречаю строителей, заявивших, что «несущую стену можно подпилить, никто не заметит».

— Милая моя, — мой голос прозвучал как щелчок хлыста. — То, что вы четырнадцать лет тратите свою жизнь на доказательство очевидного женщине, которая вас изначально не любит — это ваш личный ландшафтный дизайн. У меня дома Лёва. Расступились.

— Не положено! — рявкнула с табурета Вахтёрша, не прерывая вязания. — Лифт только по форме четыре-А. Сдайте назад, гражданка. В конец очереди.

Очередь победно зашумела, смыкая ряды. Они думали, что правила Левиафана работают на всех. Но они забыли, что за мной стояла абсолютная, железобетонная Правота. Внутри меня полыхало священное возмущение. Ломать мать четверых детей — в принципе глупая затея, а уж когда у неё незаконно угнали законный углеводный запас и двухлетнюю обиду... За мной правда, а значит, у меня нет права отступить.

Я сделала шаг вперёд, и толпа инстинктивно отшатнулась от меня на полметра. Эффект Красного моря в действии.

— Сдать назад? — я прищурилась, глядя прямо в маленькие глазки Вахтёрши. — Значит так, Контроль Вертикального Движения. Первое: ваша лифтовая шахта нарушает правила пожарной безопасности, здесь нет эвакуационного выхода. Второе: из моей личной сумки сегодня ночью была изъята горькая шоколадка и одна очень важная двухлетняя обида. Изъята без акта конфискации. То есть — совершенно открытое хищение группой лиц по предварительному сговору.

Вахтёрша замерла. Спицы в её руках дрогнули.

— И третье, — я сделала ещё шаг, вплотную приближаясь к табурету. — Если через три секунды эти зелёные ворота не откроются, я устрою вашему Смотрителю такой авторский надзор, что ваше Министерство признают аварийным и снесут к чёртовой матери вместе с вашим шарфом! Я имею право на свою правоту. Открывай!

Холл погрузился в мёртвую, ошарашенную тишину. Очередь затаила дыхание. Никто и никогда в этом мире не разговаривал с системой ТАК. Без страха. Без талона. С позиции абсолютного хозяина ситуации.

Вахтёрша сглотнула. Её авторитет, ковавшийся веками бюрократии, дал глубокую трещину — прямо по чугунной щеке её маски, от уха до подбородка, с сухим хрустом поползла настоящая, глубокая расщелина под напором разъярённой матери. Она медленно, дрожащей рукой потянулась

к огромной красной кнопке на пульте.

Бум! — глубоко в шахте что-то грохнуло.

Скре-е-ежет.

Тяжёлые железные двери лифта начали медленно расходиться в стороны. Я шагнула внутрь, и они с грохотом захлопнулись за моей спиной, отрезав притихший холл.

Кабина оказалась тесной, обшитой убогим пластиком цвета топлёного молока, который от времени пошёл желтоватыми пятнами. Сверху монотонно жужжал престарелый вентилятор.

На панели управления сияло целое созвездие кнопок — от единицы до бесконечности. Но кнопка с цифрой «7» выделялась особенно. Она была не просто старой, она была затёрта до зеркального, хромированного блеска, словно к ней прикасались миллионы раз.

Я протянула руку и прижала подушечку указательного пальца к холодному металлу. На мгновение мне показалось, что под кожей пробежал лёгкий, едва ощутимый статический разряд — словно замок смартфона, который послушно распознал родной отпечаток. Лифт внутри шахты довольно, глубоко заурчал, утробно звякнул цепями и плавно, без единого рывка, устремился вертикально вверх. Никакой тряски, никакой казённой натужности. Работал как швейцарские часы.

«Надо же, хоть что-то в этом Левиафане спроектировано без нарушения законов физики», — подумала я и поверну-

лась к противоположной стене.

Там, втиснутое в убогую алюминиевую раму, висело огромное ростовое зеркало. Стекло было старым, покрытым по краям тёмными амальгамными пятнами и подёрнутым мутноватой патиной, из-за чего свет от потолочного плафона казался серебряным, а не мертвенно-белым.

Я оглядела свой боевой наряд и сокрушённо вздохнула. Картина «Будущий дипломированный дизайнер интерьеров идёт вершить правосудие». Босые ноги, на правом мизинце след от зелёнки, домашний халат в весёленьких спелых ананасах, а на голове — каноническое гнездо из растрёпанных рыжих волос, которое я наспех соорудила перед сном.

— Да уж, Рыжая, — пробормотала я своему отражению. — Лук — просто отвал башки. Насмерть ты этого Смотрителя, конечно, не напугаешь, но эстетический шок обеспечишь точно.

Я моргнула, собираясь заправить непослушную прядь за ухо, и вдруг замерла. То ли старая амальгама зеркала так странно преломила свет, то ли у меня окончательно поплыли фокусы из-за ночного недосыпа, но отражение на долю секунды изменилось.

Глупые жёлтые ананасы на халате вдруг вытянулись, потемнели и слились в тяжёлые, величественные складки глубокого бархатного каштанового цвета. Вся эта домашняя махровая ткань осела на плечах монументальной мантией, а растрёпанный рыжий пучок волос в тусклом серебряном

свете вспыхнул настоящим золотом, очертив вокруг головы чёткую, острую корону. Отражение смотрело на меня из глубины стекла — спокойно, властно и пугающе уверенно. Настоящая Хозяйка, вернувшаяся в свои владения.

Я резко зажмурилась, тряхнула головой и снова открыла глаза.

В зеркале снова стояла я — обычная Оля, в весёлом халате, с бледным лицом и кругами под глазами от вечного дебрета.

«Так, всё, хорошо, — мысленно прикрикнула я на себя, чувствуя, как к горлу подкатывает нервный комок. — Игры разума. Галлюцинации на почве углеводного голодания. Это просто старая дешёвая оптика искажает пропорции. Вот верну свою шоколадку, выплусь — и никакие короны мерещиться не будут».

Лифт тем временем начал сбавлять ход. Над дверью звякнул чистый, хрустальный колокольчик — совсем не похожий на убогие звуки нижних этажей. Кабина мягко остановилась.

Я победно ухмыльнулась своему отражению, поправила пояс халата и приготовилась выйти на седьмой этаж Хозяйкой положения.

И в эту самую секунду кабина с диким, оглушительным скрежетом рванула со всей дури вниз.

Глава 4. Засада на Болоте обид

Вы когда-нибудь летали в тесной железной коробке со скоростью падающего рояля? Ощущения, скажу я вам, незабываемые. Особенно когда на вас махровый халат с ананасами, а на правом мизинце ноги сияет свежее пятно зелёнки.

Всё шло так красиво. Хрустальный колокольчик, благородный свет, величественное отражение в зеркале, где я почти поверила в свою абсолютную победу над системой. Но у Министерства чужих ожиданий на этот счёт было своё, сугубо деструктивное мнение.

Где-то над головой утробно, с металлическим визгом лопнул трос. Кабину резко трянуло, ростовое зеркало мгновенно пошло мелкими трещинами, навсегда уничтожив мою воображаемую золотую корону. А затем лифт просто ухнул в глухой, свистящий провал. Желудок моментально катапультировался куда-то в район горла, а я намертво вцепилась в алюминиевый поручень, пока пол уходил из-под босых ног.

«Лёва-а-а-а!» — мысленно заорала я. Если я сейчас разобьюсь в этой изнанке подсознания, кто завтра будет объяснять Еве, что штаны не трут?!

Падение прекратилось так же резко, как и началось. Лифт со страшным грохотом врезался в какой-то невидимый демпфер. Вентилятор на потолке испустил последний дикий хрип и сдох. Свет погас.

Наступила тишина. Но не стерильная, как секунду назад, а тяжёлая, живая и подозрительно сырая. Панель управления мёртво молчала, зато из щели заклинивших дверей потянуло... торфом. Прелой травой, болотным газом и ледяным, липким туманом.

— Кажется, навигатор Министерства проложил маршрут через самое дно, — пробормотала я в темноту.

Я упёрлась босой ногой в стену, схватилась пальцами за жёсткий стык зелёных железных дверей и, включив весь свой авторитет многодетной матери, рванула их в разные стороны. Металл заскрежетал, сопротивляясь, но под натиском разъярённого инженера всё-таки сдался, разойдясь на полметра.

Я высунула голову наружу и тихонько выругалась.

Лифт застрял прямо посреди глухой, туманной пустоши. Вместо нормального коридора вокруг расстилалась чёрная, жирная жижа, из которой сиротливо торчали пучки жухлого камыша. Воздух был такой плотный, что его можно было резать кухонным ножом.

Я посмотрела вниз, на край кабины, к которому вплотную подступала эта зловещая, булькающая бездна, потом перевела взгляд на свои босые ноги. Эта жижа выглядела слишком реальной и опасной.

Сюда только наступи — и затянет к чёртовой матери, на смерть. А у меня дома дети. Мне погибать в этом экзистенциальном силосе никак по графику не положено. Моя жизнь

мне нужна целой и невредимой.

Единственным путём наружу была узкая, убогая тропинка из старых деревянных мостков. Эти серые, склизкие от сырости доски начинались прямо от порога нашей заклинившей кабины и уходили в самую глубь болотного тумана.

Но мой инженерный мозг, едва взглянув на этот маршрут, выдал категорический запрет. Идти босиком по гнилой, качающейся на жиже гати в кромешную неизвестность — это не спасение, это верх тупости и прямая дорога в капкан. Если это Министерство построило здесь лифтовую шахту, значит, у болота есть хозяин, который периодически этот лифт проверяет. Плюс на досках отчётливо виднелись свежие, грязные следы от тяжёлых сапог, уходящие в обе стороны. И эти следы пахли той самой архивной пылью.

— Ну уж нет, — прошептала я, отступая на шаг. — На открытой местности без обуви я идеальная мишень. Проектируем оборонительную позицию.

Я резко отшатнулась от края, присела на корточки прямо внутри кабины и устроилась у приоткрытой двери. Две железные створки, заклинившие на полуметре, превратились в идеальный, сухой, металлический дот — безопасный наблюдательный пункт. Отсюда я полностью контролировала единственную тропинку, оставаясь в тени. Из тумана тянуло сыростью, но пол под моими пятками оставался надёжным министерским пластиком. Из этой стальной засады я могла контролировать периметр, не рискуя остаться в этой глухо-

мани навсегда.

— Отлично, — злорадно прошептала я, поправляя ананасовый подол и устраиваясь поудобнее. — Засада так засада.

Болото вокруг жило своей унылой, зацикленной жизнью. В тумане то тут, то там раздавались странные всхлипы, глухое бульканье и тяжёлые, надрывные вздохи. Будто под слом этой жижи дышало огромное, вечно обиженное существо. Из гнилой воды кое-где торчали старые ржавые указатели с полустёртыми надписями: «А вот в прошлый вторник ты», «Мог бы и догадаться», «Никто меня не ценит».

Я сидела, упрямо гипнотизируя туман сквозь щель. Время шло. В реальном мире стрелки часов, небось, уже подбирались к критической отметке.

И вдруг гулкая тишина Изнанки вздрогнула.

Справа, метрах в десяти, послышался хруст ломающихся веток. Туман лениво заколыхался, и прямо мимо моей кабины, едва не задевая железную дверь, стал протискиваться сутулый силуэт. На нём был длинный, до самых пят, безразмерный балахон из тяжёлой чёрной ткани, а на голову был наброшен глубокий, глухой капюшон. Мрачный Тип волок за собой огромный, набитый доверху мешок, а из-под подола уныло тащился по грязи пушистый рыжий хвост.

«Попался, голубчик», — внутри меня победно запела мамина харизма.

Я выдержала долю секунды, пока он поравняется со щелью, резко выбросила руку вперёд, мёртвой хваткой вцепи-

лась в плотную чёрную ткань капюшона и с силой затащила «злодея» внутрь, на сухой пол лифта.

— Стоять! Руки на капот, хвост прижать! Проверка документов!

Мрачный Тип от неожиданности дико пискнул совсем не страшным, ломающимся голосом и со всего маху шлёпнулся спиной на пластик кабины. Мешок вылетел из его рук, завалился набок, и из него на пол хлынуло совершенно немыслимое содержимое.

По пластику веером рассыпались пёстрые вкладыши от жвачек «Turbo» и «Love is», разлетелась пухлая, разрисованная фломастерами девичья анкета для друзей с наклеенными сердечками, посыпались крошечные самодельные шпартгалки в виде гармошек-книжечек. Из глубин ткани выпал аккуратно сложенный шёлковый пионерский галстук и значок с надписью «Искра». Но самым удивительным было то, что вместе с этим детским лагерным богатством из мешка брызнули и покатались живые, тёплые, светящиеся искры от когда-то горевших ночных звёзд, мгновенно озарив полумрак тесной кабины волшебным, пульсирующим светом.

Я коршуном нависла над поверженным «чудовищем» и с силой сдёрнула капюшон.

— Ну всё, трансляция окончена, снимай мас

Слова застряли у меня в горле. Внутренний инженер выдал фатальную ошибку синтаксиса и замолчал. Под чёрным капюшоном не было ни ведьмы, ни монстра. На меня снизу

вверх круглыми, озорными глазами смотрела девчонка лет четырнадцати.

У меня внутри всё перевернулось, а к горлу подкатил горячий, звенящий комок. В памяти со свистом пронеслись весенние лагерные смены, шумные отрядные костры, бесконечные конкурсы стихов, где я читала так, что замирали залы, и та безумная, чистая общественная деятельность, в которую я всегда бросалась с головой. Из этого дурацкого министерского капюшона на меня смотрела я сама — та самая открытая, живая, беспроблемная Оля, которая умела дружить, созидать и гореть на полную мощность. Ей, той четырнадцатилетней девчонке с рыжим хвостом, когда-то было мало целого мира. Она писала стихи, ставила спектакли, организовывала линейки и собиралась этот мир как минимум перевернуть, а как максимум — возглавить. Талант пёр из всех щелей, а энергии хватало на то, чтобы осветить небольшой областной центр.

А потом? А потом Оля вышла замуж.

И вся эта бурлящая, масштабная искра была аккуратно упакована в коробку и возложена на алтарь. Семейный, разумеется. У меня внутри словно перегорел какой-то важный предохранитель, и я превратилась в идеального, исполнительного зомби под лозунгом: «Всё для фронта, всё для победы!». Только фронтом стал тотальный бытовой подряд, а победой — выглаженные пододеяльники, стерильные полы и вовремя поданный суп. Я годами сливала туда свою мен-

тальную энергию до последней капли, искренне веря, что совершаю великий семейный подвиг.

И вот сейчас, на дне этой министерской шахты, меня накрыло самым жутким, самым отрезвляющим осознанием. Внимание, вопрос на засыпку: а меня вообще кто-нибудь об этом подвиге просил? Муж умолял положить молодость на плаху? Дети требовали раствориться в них без остатка, превратившись в безликое обслуживающее приложение? Да чёрта с два!

Я сама заиклилась на этой дурацкой роли «Хорошей Жены». Сама выдумала этот жёсткий, нереальный ГОСТ, сама прописала под него ТЗ, сама добровольно загнала себя в эти рамки и сама же мысленно казнила за малейшее отклонение от графика. Никто не заставлял меня сужать свой огромный, бурлящий мир до границ домашнего периметра и прятать лицо в серую броню вынужденного контроля. Я сделала это сама. И сидела на своём алтаре, преданно ожидая медали за отвагу, которую мне никто даже не обещал.

Ах, да, и памятник обязательно в золоте!

Я шумно выдохнула, силой возвращая себя из этого мысленного пике обратно в тесную кабину. Девчонка в этот момент судорожно дёрнула спиной, и рыжий хвост, прикреплённый к её ремню на обычную английскую булавку — точь-в-точь под цвет моих волос, — весело мотнулся по пластику лифта, рассыпая вокруг мелкие звёздные искры.

— Эй! Ты чего дерёшься, тётенька?! — звонко буркнула

она, и в её голосе я отчётливо услышала свои собственные интонации со школьной сцены. Она прижала к груди остатки шоколадки. — Ну украла шоколадку, ну съела половинку! Тебе жалко, что ли, для лучшего друга?

Я медленно опустила руку, чувствуя, как вся моя небойная, юридически выверенная Правота начинает стремительно таять, уступая место щемящей, пронзительной нежности. Но внутренний следователь романтику отключил быстро. Взгляд инстинктивно упал на упавший мешок. Детектив требует протокола осмотра места происшествия.

— Так, лагерный актив, сидеть тихо, — скомандовала я, включая режим строгого инспектора. — Шоколад заберу при обыске. А теперь посмотрим, что тут у нас проходит по делу об угоне моей двухлетней обиды.

Я перевернула мешок и вывалила его содержимое на пластиковый пол лифта. Первым делом среди лагерного хлама на пол выкатилась пухлая девичья анкета для друзей. Я открыла её на случайной странице и прищурилась: «Вопрос 4: Что ты больше всего ценишь в людях? Ответ: Верность и чтобы делились секретами. Подпись: Наташка».

У меня внутри словно реле переключилось.

Я перевернула анкету. На обороте, прямо поверх детских наклеек с сердечками, чьей-то уверенной, взрослой рукой был сделан свежий маркерный набросок — жёсткий, перечёркнутый план проекта. Того самого, над которым я работала в реальной жизни, пока она цинично не вонзила мне

нож в спину.

— Первая улика, — пробормотала я, чувствуя, как по спине поползли вполне реальные детективные мурашки. — Этот мешок собирал не ребёнок. Твой Смотритель копался в моих вещах.

Я запустила руку глубже в кучу хлама. Пальцы наткнулись на шёлковый пионерский галстук. Когда я его развернула, из складок на пол со звоном выпал предмет, которому здесь вообще не было места.

Тяжёлая, профессиональная лазерная рулетка в чёрно-жёлтом корпусе.

У меня перехватило дыхание. Это мой рабочий инструмент. А теперь эта рулетка лежит здесь, в Изнанке, в мешке подозреваемого. И на её корпусе, прямо возле дисплея, красуется свежее, липкое пятно от... мятного ликёра. Того самого, которым пахло официальное письмо.

— Я-то думала, Смотритель — это какой-то абстрактный ЖЭКовский чиновник Министерства, а это конкретный вор. И он работает в связке с моей бывшей подругой. Она сливала ему информацию из реального мира? Или Господи, неужели Смотритель — это сама Наташка?! Она залезла в мою голову, чтобы окончательно растоптать мои проекты и мою уверенность?

Я резко повернулась к девчонке, которая в этот момент пыталась незаметно слизать шоколадную крошку с рукава балахона.

— Кому ты слила мою обиду, общественница?! — я нависла над ней, сверкая ананасами. — Откуда у тебя в мешке чертежи и мой рабочий инструмент? Кто твой хозяин?!

Девчонка испуганно икнула и вжалась в угол лифта:

— Да я не знаю его! Он пришёл в маске! Такой весь правильный, в каштановой мантии, пахнет мятой и чабрецом. Сказал, что Наташка — это просто триггер, на котором ты зациклилась! Сказал, что тебе нужно пройти этот лабиринт, чтобы перестать уничтожать саму себя воспоминаниями о её подлости!

— Ложный след? — я прищурилась, рассматривая чёрно-жёлтый корпус рулетки. — Ну уж нет. В детективах ложные следы всегда пахнут мятным ликёром.

Картина преступления в моей голове начала обретать жёсткие, почти осязаемые контуры. Смотритель разыгрывал изошрённую партию. Он украл мою обиду, подкинул улики и заставил меня бежать за ним по этажам Министерства.

— Слышь, Оль — девчонка осторожно потянула меня за край халата, прерывая мой детективный монолог. — Ты это иди на третий этаж. Там Контрабандисты как раз сейчас эту обиду на вес продают. Если Смотритель — это твоя Наташка, то она точно там, крутит свой чёрный бизнес. Только аккуратно. Там чистый хаос.

Я сунула лазерную рулетку в правый карман халата, а анкету с маркерным чертежом зажала под мышкой. Вещдоки собраны. Мотив ясен — меня выманивают на очную ставку.

— Ну держись, Наташка, или как там тебя зовут в этом министерском табеле о рангах, — процедила я, поправляя пояс. — Рыжая выходит на тропу войны. Посмотрим, чьё ТЗ окажется сильнее.

Я сделала первый, очень осторожный шаг из разбитого лифта по сухим деревянным доскам мостков. Расследование официально началось.

Глава 5. Франшиза

«Подвиг посмертно»

Шаг. Ещё один шаг. Гнилые доски подо мной стонали так, будто я весила не свои законные «пятьдесят с хвостиком», а тащила на себе неподъёмный чугунный постамент от памятника «Идеальной Жене», который сама же в голове и спроектировала. Туман обволакивал, торфяной душок лез в ноздри, а зелёнка на мизинце в этом сером мареве светилась, как тактический фонарь спецназа.

«Прекрасно, Оля, — подумал мой внутренний голос, подбоченившись. — Дизайнер года, мать семейства, гроза маркетплейсов. Стоишь босиком на гнилой щепке посреди подсознательного силоса в халате с ананасами. Вот он, Успешный Успех, которого мы заслужили. Где тут выдают дипломы по слабоумию и отваге?»

Я думала, это болото — необитаемая глухомань. Щас, ага! Разбежалась. Стоило мне пройти метров двадцать, как сквозь белую муть проступили очертания... курорта. Причём очень странного.

Вдоль мостков, прямо в чёрной булькающей жиже, абсолютно добровольно и с явным кайфом лежали люди. Нет, они не тонули, они там обустроились. Это был какой-то съезд ментальных дачников, выехавших на шашлыки из соб-

ственного горя. Они лежали в грязи, как в спа-салоне, обмывшись многолетними претензиями, и вяло отмахивались от камышей.

Вот слева, увязнув по самые подмышки, сидела импозантная дама в бигуди. В руках она преданно держала невидимый кубок, а на кочке рядом стояла кружка с надписью «Заслуженная Мученица Года». Она смотрела в сырое небо с таким величественным трагизмом, будто лично спонсировала всемирный потоп, но ей за это не дали налоговый вычет.

Чуть дальше группа женщин в застиранных фартуках увлечённо практиковала синхронное вздыхание:

— И главное, я ему всю молодость отдала-а-а-а... — протяжно выла одна, зачерпывая горсть болотной тины и бережно размазывая её по декольте, как антивозрастную маску.

— А он? — хором подтягивали остальные, завистливо принохиваясь к чужой порции страданий.

— А он макароны сам себе погреть не может! — рыдала первая.

«Господи, — мой внутренний инженер аж зажмурился. — Это же филиал ада для перфекционистов. Клуб анонимных жертв собственного величия. Интересно, если я им скажу, что макароны можно есть холодными, меня тут прямо в камышах распнут?»

И тут болото решило включить главный калибр — соблазн. Из тумана прямо ко мне вынырнула благодетная тётенька. Знаете, из тех, которые на детских площадках всегда

лучше вас знают, что ваш ребёнок замёрз, даже если на улице плюс тридцать. На ней был фартук со стразами, а в руках — тарелочка с пирожками, начинёнными, судя по запаху, чувством невыполненного долга.

— Оленька... — пропела она голосом сирены из центрального ЖЭКа. — Куда же ты бежишь, милая? Посмотри на себя. Ножки грязные, пальчик больной, хлат этот дурацкий... А Наташка-то, коза эдакая, всё разрушила! Проект слила, в душу плюнула! Ну куда тебе воевать, ну какое ТЗ? Садись с нами. У нас тут тепло, привычно. Грязь целебная — из чистейших неоправданных надежд. Ложись, поплачем. Мы тут как раз вспоминаем, как мы всё для фронта, всё для победы, всё для семьи... А нас не оценили! Давай, Олюш, обустройся. Медаль выпишем. Посмертно.

Внутри меня на секунду воцарилась звенящая тишина. Болото пахло чертовски заманчиво. Это же идеальный, юридически выверенный повод сдать! Лифт упал? Упал. Подруга предала? Предала. Ну и всё, Оля, ложись в жижу, включай режим зомби, пусть весь мир катится к чертям, ты официально имеешь право страдать до конца пятилетки!

Я уже даже занесла босую ногу над тёплым чёрным месивом...

И тут мой инженерный котелок выдал экстренное предупреждение: «Тормози, дура рыжая! Обнаружена попытка несанкционированного расширения штата мучеников! Ты посмотри на них — они же тут годами лежат, покрылись

мхом и ждут, когда обидчики приползут на коленях просить прощения! А те не приползут, они вообще забыли, как их зовут! Ты ради этого свою искру гасила? Чтобы в спа-салоне для обиженных куковать?»

Я посмотрела на благодетельную тётку в стразах, потом на даму с кубком. Это же была я сама. Ещё недавно я преданно сидела на своём выдуманном семейном алтаре, сверяясь с личным, упоротым ГОСТом «Хорошей Жены», и ждала, когда мне за это памятник в золоте отольют. Сама себя зациклила, сама рамки построила, сама расплакалась.

Меня разобрал такой дикий, истерический, хохочущий ржач, что туман вокруг даже слегка рассеялся от неожиданности. Обиженные в тине синхронно вздрогнули и посмотрели на меня как на сумасшедшую.

— Спасибо, девочки! — гаркнула я, поправляя ананасовый пояс и выпрямляясь во весь свой королевский рост. — Бизнес-план отличный, но концепция нерентабельна. У меня переучёт на алтаре! Снимаюсь с вашего баланса!

Тётка с пирожками отпрянула, выронив выпечку прямо в грязь (та обиженно и как-то сугубо деструктивно булькнула). А я, включив третью скорость и абсолютно забив на гнилые щепки под ногами, припустила по мосткам вперёд. Слышала я вашу сырость! У меня ТЗ на очную ставку горит, вещдоки под мышкой, а я тут в болоте задерживаюсь.

Я бежала так, что зелёный мизинец мелькал в тумане, как проблесковый маячок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.